

*Иеромонах Серафим (Голованов),
преподаватель КДС, епархиальный древлехранитель*

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ЦЕРКОВНЫХ ЗЕМЕЛЬ как инструмент ликвидации монастырской жизни

Под секуляризацией обычно понимают обращение государством церковной собственности (преимущественно земли) в светскую¹. В этом понимании секуляризация церковных земель началась еще в XVI в. Будучи крупными землевладельцами, монастыри привлекали в свои вотчины большое количество крестьян, которые освобождались от несения многих государственных повинностей. От этого оскудевала великокняжеская казна, поэтому вопрос о монастырских вотчинах должен был рано или поздно подняться².

Начало этому процессу было положено в тот момент, когда государь всея Руси Иван III поддержал Иосифа Волоцкого в вопросе сохранения за Церковью права на крупные земельные владения. Монастырские вотчины с самого начала рассматривались государством как средство управления церковными делами³, и в это право владеть вотчинами с самого начала были внесены некоторые условия. Во внутренних областях около Москвы и в некоторых отдаленных регионах было запрещено отдавать земли в монастыри на помин души, над монастырским имуществом установили государственный контроль через великокняжеских чиновников, обязанных принимать и сдавать монастырские имущества по описям⁴. В малолетство Ивана Грозного, при Елене Глинской, монастырям было вовсе запрещено приобретать вотчины без доклада государю⁵. Иван Грозный сделал еще больше. На Стоглавом Соборе он указал на экономические и нравственные беспорядки, происходящие в монастырях от вотчинного владения. В 1573 г. последовало новое распоряжение: отписывать вотчины только к бедным монастырям, да и то с согласия государя и по приговору бояр, «чтобы в службе убытка не было и земля из службы не выходила». А в 1581 году на Соборе с архиереями было постановлено: все земли и угодья, принадлежащие доселе епископским кафедрам и монастырям, должны неприкосновенно остаться за ними, и никто не должен оспаривать их; но те, которые состоят в закладе или приобретены от служилых князей, должны быть возвращены в государственную казну за вознаграждение, которое пожалует сам государь; на будущее время архиереи и монастыри никакими путями не должны приобретать себе новых земель; если же кто завещает вотчины в монасты-

ри, то они должны передаваться наследникам, если есть, или государю, если нет, за вознаграждение по цене завещанных вотчин. Исключение может быть сделано о воле государя только для бедных монастырей⁶. Таким образом, уже в XVI в. светская власть предпринимала попытки ограничить рост церковных владений⁷.

Новая династия Романовых возобновила свои претензии на церковную и монастырскую собственность. Царь Алексей Михайлович создал первый централизованный орган управления церковной собственностью – Монастырский приказ. Он занимался государственными сборами с церковных вотчин, описями церковных имуществ и полицейскими распоряжениями по церковному ведомству. Однако эта мера оказалась временной. После конфликта царя и патриарха Никона и осуждения последнего на Соборе 1666 – 1667 гг. Алексей Михайлович упразднил Монастырский приказ и вернул русским епископам их прежние полномочия⁸.

Новая волна наступления на монастырское имущество связана с именем великого реформатора Петра I. Дореволюционный историк П.В. Верховский писал: «Со времени Петра Великого Русская Православная Церковь как юридическая единица, независимая от Русского государства, не существует... Чисто церковной власти, непроизвольной по своему происхождению и самостоятельной по осуществлению, русские законы не знают»⁹.

Часть духовенства называла его «иконоборцем» за то, что он, подобно византийскому императору-иконоборцу Константину V, изымал монастырское имущество в пользу армии. Монастырские имения Петр называл «тунегибельными», то есть пропадающими зря, поскольку они не приносили материальной выгоды¹⁰.

Сразу после смерти патриарха Адриана в 1700 г. Петр восстановил Монастырский приказ. Приказом руководил единолично боярин, но к 1714 г. там образовалось коллегиальное управление. В 1701–1720 гг. Монастырский приказ занимался тотальной описью церковного имущества и финансов. Однако делать это сложно, церковных вотчин было много и их описание было непростым делом. Также невозможно было контролировать и финансовую деятельность церквей и монастырей и собирать с них налоги. К 1720 г. все эти проблемы стали очевидны, и Монастырский приказ прекратил свое существование. Феофан Прокопович разработал проект Духовного регламента, и вскоре, 14 февраля 1721 г., состоялось торжественное открытие Святейшего правительствуящего Синода – высшего коллегиального органа управления Русской Православной Церковью. Монастырский приказ был на некоторое время восстановлен в составе Синода, однако в 1724 г. его функции окончательно перешли к Камер-конторе Синодального правительства¹¹.

Синодальный Монастырский приказ, а впоследствии Камер-контора занимались сбором доходов от церковных имений в пользу государственной казны. По мнению И.К. Смолича, это свидетельствовало о том, что светская власть постепенно становилась на точку зрения, что церковное имущество, в том числе и монастырские вотчины, следует считать государственным достоянием, но потребовалось еще несколько десятилетий для того, чтобы эта точка зрения была оформлена законодательно¹².

Преемники Петра I неизменно продолжали рассматривать монастырские земли и церковное имущество как общегосударственную собственность и средство решения своих финансовых проблем. Даже Елизавета Петровна, о которой известно, что она была очень набожна, регулярно отправлялась в Троице-Сергиеву Лавру на богомолье, не была исключением.

Начав свое правление с некоторых уступок по отношению к Церкви, впоследствии она начала реализовывать политику секуляризации. Для подготовки реформы она собирает особую конференцию. По итогам ее работы 3 сентября 1757 г. Елизавета издает указ о секуляризации церковных земель. В редакции указа, обращенной к Синоду, отмечалось, что эта мера будет способствовать «освобождению монашествующих от мирских попечений и доставлению им свободы от трудностей при получении вотчинных доходов».¹³

В соответствии с указом требовалось:

1. Чтобы архиерейские и монастырские имения управлялись не монастырскими служками, а отставными офицерами.
2. Чтобы деревни переложены были в помещичьи оклады.
3. Чтобы из дохода ничего не употреблялось в расход сверх штатов и остальное хранилось особо и ни на что без именного указа ее величества не издерживалось так, чтобы, ведая размер остатков, ее величество могла раздавать на строение монастырей.
4. Чтобы взяты были с монастырей те порции, на каких положено содержать отставных, а оных несколько лет не содержалось, за все годы, сколько ни содержали.
5. Чтобы на собираемые за прошедшие годы деньги учреждены были инвалидные дома, а остальное в банк, дабы процентами и ежегодными с монастырей порциями будущих в них отставных содержать¹⁴.

Программа секуляризации по ряду причин так и не была приведена в действие¹⁵. Но такая политика привела к запустению целого ряда монастырей в середине XVIII в. На территории Московской губернии в это время прекратили свое существование Богословский мужской монастырь¹⁶, Власьевский женский монастырь¹⁷ и Успенский Клинский мужской¹⁸. Власть не прилагала прямых усилий для упразднения

этих обителей. Однако их закрытие было прямым следствием проводимой политики установления полного контроля над монастырями и монашествующими. Так, например, Богословский мужской монастырь прекратил свое существование после 1740 г., будучи уже приписанным к Воскресенскому Ново-Иерусалимскому монастырю. Хотя известно, что он относился к числу довольно состоятельных обителей: в 1727–1729 гг. к нему была даже приписана Введенская-Островская пустынь¹⁹.

Следующей важной вехой в этом процессе стало воцарение Петра III. Недолгое правление этого императора оставило незначительный и противоречивый след в истории. По мнению Н.И. Павленко, он «выступал не генератором идей, предвосхищавших будущее, прокладывавших исхоженную стезю в истории, а регистратором прошедшего, издавна властно стучавшегося в двери и неоформленного нормативными актами»²⁰.

Эту общую характеристику можно отнести и к его деятельности в отношении церковного имущества. Известно, что он готовил приказ о передаче всех церковных земель под управление Сената, собираясь таким образом лишить Синод всех полномочий в финансово-хозяйственных вопросах²¹.

Примечательно, что его жена, будущая императрица Екатерина II, понимала непопулярность этих мер среди представителей Церкви. Для того чтобы заручиться поддержкой церковных иерархов, она объяснила отстранение от власти Петра III тем, что над Русской Православной Церковью нависла угроза. Из Манифеста 1762 г.: «Закон православный греческий претерпел потрясение... и истребление всех преданий церковных, так что Церковь наша Греческая крайне уже подвержена оставалась последней своей опасности... переменою древнего в России Православия и принятием иноверного закона»²².

Через две недели после государственного переворота Екатерина II вернула собственность епархиальных домов, монастырей и церковных приходов, таким образом отменив указ своего мужа о секуляризации церковного имущества²³. 12 августа 1762 г. она объясняла свою позицию в указе: «Не имеем мы намерения и желания присвоить себе церковные имения, но только имеем данную нам от Бога власть предписывать законы о лучшем оных употреблении на славу Божию и пользу Отечества»²⁴.

Однако «заигрывание» с Русской Православной Церковью продолжалось недолго. Уже 29 ноября 1762 г. была образована Комиссия о духовных имениях²⁵, которая подготовила законопроекты и положения, ставшие основой для церковной реформы. Проведение секуляризации в жизнь было возложено на Коллегию экономии, созданную чуть позже, в 1763 г.²⁶

Важнейшим мероприятием при подготовке реформы стало описание монастырских владений. К осени 1763 г. при содействии Военной коллегии на места было послано 77 обер-офицеров. К концу февраля 1764 г. в Коллегию экономии поступило всего 69 описей. Описание, хотя и продвигалось вперед, но завершено не было, и правительство не располагало еще полными и надежными данными о размерах и состоянии вотчинного хозяйства монастырей²⁷.

26 февраля 1764 г. был издан указ о секуляризации церковных имений²⁸. Все имения Синода, архиерейских домов и монастырей, во владении которых, по данным ревизии 1763 г., числилось 911 тыс. душ мужского пола крестьян и 8,5 млн. десятин земельных угодий, поступали в казну и передавались Коллегии экономии. Монастырям были оставлены только небольшие сады, огороды, пастбища в размере 6-9 десятин каждому. Бывшие монастырские крестьяне отныне обязаны были платить в казну оброк в размере полтора рубля с мужской души. Из этого оброка государство выплачивало небольшую сумму на содержание монастырей и архиерейских домов²⁹.

Таким образом, помимо того, что монастыри лишились своих земель, они были переведены на государственное жалованье, которое назначалось в соответствии со «знатностью» монастыря³⁰. Все монастыри распределялись по трем классам с определенной для каждого класса нормой монахов и монахинь.

Для каждого класса монастыря было назначено свое содержание. Мужские первого класса получали из казны от 2300 до 2500 руб. в год, и в них полагалось содержать 33 монаха. Второклассные получили от государства до 1500 руб. в год и содержали по 17 монахов, а жалованье третьеклассных, численностью в 12 монахов, составляло 950 руб. в год. В женских монастырях первого класса могло содержаться от 52 до 101 монахини, и жалованье каждому монастырю назначалось индивидуально. Второклассные и третьеклассные женские монастыри могли содержать по 17 монахинь, а их жалованье составляло от 525 до 700 руб. в год. Учитывая, что лошадь в то время стоила примерно 7–9 руб., государственное довольствие монастырей было вполне приличным.

В связи с распределением монастырей по классам и приведением их в соответствие с установленными нормами многие монастыри были вовсе закрыты, а монашествующие переводились в штатные обители. Оставшиеся монастырские церкви превращались в приходские храмы либо также передавались штатным монастырям³¹.

В центральных российских губерниях было упразднено 496 монастырей, что составляло 56,3 % от их прежней численности³². На территории Московской губернии было упразднено 13 монастырей и пусты-

ней: Пешношский-Николаевский (или Песношский-Мефодиев, в ста-рину Никола на Песнуше или Никола на Песках), Боголепова мужская пустынь, Изосимина-Успенская (или Зосимово-Сестринская-Клинская мужская пустынь), Левкиев-Успенский на Волоке мужской монастырь, Медведева Пречистая Рождество-Богородицкая мужская пустынь, Николаевская Можайская Борщевская мужская пустынь, Николаевский-Рождество-Богородицкий-Возминский, (Возмицкий или Вотьмицкий или Зимицкий) мужской монастырь, Петровский женский монастырь, Пятницкий Берендеевский Николаевский мужской монастырь, Пятницкий Ильинский женский монастырь, Распятский Ново-Рождественский женский монастырь в городе Серпухове, Соловецкая Зосимо-Савватьевская, что в Морчугах, (Морчугах или Марчуговская) мужская пустынь, Спасский Входо-Иерусалимский мужской монастырь в Верее.

Ряду монастырей было отказано в помощи из государственной казны, они оставались на собственном финансовом обеспечении и стали называться «заштатными». Далеко не все заштатные монастыри смогли долгое время существовать на собственном обеспечении. Так, например, в Московской губернии три заштатных монастыря прекратили свое существование вскоре после реформы. Варваринский женский монастырь и Гнилушки-Николаевская мужская пустынь не смогли существовать без помощи из государственной казны и вскоре были упразднены³³. Бобренев-Рождественский монастырь, также оказавшийся в 1764 г. за штатом, с 1790 г. стал служить местом летнего пребывания коломенских архиереев и фактически был восстановлен. Однако уже в 1800 г. обитель оказалась приписанной к Богоявленскому Голутвину монастырю, то есть фактически прекратила свое существование как самостоятельный монастырь³⁴. Таким образом, выведение «за штат» также являлась формой упразднения монастырей.

Следует отметить, что никто из предшественников Екатерины II не планировал в ходе секуляризации упразднение монастырей. Петр I и его дочь Елизавета Петровна мечтали контролировать церковные доходы и пополнять оброком с монастырских вотчин собственную казну, но все не ликвидировать обители и монастырскую жизнь.

Политика секуляризации Екатерины II принесла государству немалые выгоды. Только в великорусских губерниях за счет получаемого с бывших монастырских крестьян оброка казна имела 1,5 млн. руб., не считая доходов от сдачи в аренду монастырских земель, в то время как на содержание штатных монастырей казна отпускала 208 тыс. руб. Бывшие монастырские имения были резервом, из которого Екатерина II и ее преемник Павел I производили крупные пожалования своим сановникам³⁵.

В 1788 г. длительный процесс секуляризации церковных имений в России закончился, но он повлиял на государственную политику в отношении церковного землевладения. Николай I, следуя примеру своей бабушки, в 1841 г. передал церковные земли в западных губерниях в управление Министерства государственных имуществ³⁶.

Несмотря на то, что никто из последующих за Екатериной II императоров не отменил секуляризации и не вернул церковную и монастырскую собственность, все же были некоторые послабления и уступки.

Так, сын императрицы Павел I, в целом несогласный с политикой матери, за свое короткое правление успел провести ряд благоприятных для Церкви законов. В 1797 и 1799 гг., по годовым государственным сметам, штатные оклады из казны на духовное ведомство были увеличены вдвое. По штатам Екатерины II в 1764 г. все епархии Великороссии получали 462 868 руб. Павел I добавил к этой сумме еще 519 729 руб., то есть казенная выдача достигла почти миллиона. В 1797 г. участки земли для архиерейских домов были удвоены и дополнительно отведены архиереям и монастырям мельницы, рыбные ловли и другие угодья (по 60 десятин архиерейским домам, и по 30 десятин – монастырям). Увеличилось и число семинарий: создана Вифанская, Коломенская была переведена и стала Тульской, появилась Калужская и еще несколько семинарий на востоке страны³⁷.

В XIX в. эта тенденция нашла свое продолжение. В 1804 г. лицам духовного звания было дано право приобретать ненаселенные земли, а с 1805 г. это могли делать и монастыри с разрешения императора. По подсчетам А.И. Комиссаренко, за период с 1802 по 1820 г. землю получили около 1016 церквей в Европейской части России. В дальнейшем эта политика развивалась – монастыри приобрели право на владение лесными участками (1832), а в 1835 г. монастырям из фондов Министерства государственных имуществ были выделены участки по 100–150 десятин.

В XIX в. продолжился рост государственных затрат на содержание монастырей. С 1839 г. на эти цели выделялось ежегодно 148 тыс. руб., а с 1842 г. – 260 тыс. руб. Однако это сопровождалось усилением контроля над финансовой деятельностью всех учреждений духовного ведомства³⁸.

Общий анализ процесса секуляризации церковных земель в России свидетельствует о том, что этот процесс не всегда был связан с упразднением монастырей. Скорее наоборот, светская власть, заинтересованная в получении дополнительной прибыли, долгое время способствовала росту числа православных обителей. Имела значение и традиционная религиозность русских государей. Упразднение монастырей в рамках секуляризации началось с эпохи Петра I под влиянием его сподвижника Феофана

Прокоповича. Но небывалый размах этот процесс приобрел в эпоху Екатерины II, иностранки на троне. Невозможно с уверенностью утверждать, было ли это связано с ее прусским происхождением и протестантским вероисповеданием от рождения или являлось результатом закономерного развития взаимоотношений Церкви и государства. Однако примечательно, что ни до, ни после Екатерины II в Российской империи не было такого масштабного закрытия православных обителей.

¹ Большой энциклопедический словарь, 2000 // <http://dic.academic.ru/>

² Добролюбов А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М.: Изд-во Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории; Славянский фонд Св. Владимира, 2009. С. 246–247.

³ Андреев А., свящ. Становление финансово-хозяйственного управления Русской Православной Церкви: История централизованного управления церковным имуществом и финансами в России: М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. С. 18.

⁴ Добролюбов А.П. Указ. соч. С. 248

⁵ Там же; Андреев А., свящ. Указ. соч. С. 18.

⁶ Добролюбов А.П. Указ. соч. С. 249.

⁷ Устинова И.А. Русское государство и Православная Церковь в X – начале XX в. М.: СПб.: Альянс-Архео, 2012, С. 131.

⁸ Андреев А., свящ. Указ. соч. С. 19–20.

⁹ Цит. по: Устинова И.А. Указ. соч. С. 127.

¹⁰ Андреев А., свящ. Указ. соч. С. 24.

¹¹ Там же. С. 21–22.

¹² Смолич И.К. История русского монашества: 988–1917. М.: Православная энциклопедия, 1997. С. 386.

¹³ Андреев А., свящ. Указ. соч. С. 27.

¹⁴ Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви: В 2 т. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. Т. 2. С. 539–540.

¹⁵ Андреев А., свящ. Указ. соч. С. 27.

¹⁶ Монастыри, закрытые до царствования Екатерины II. Сост. В.В. Зверинский (печатано под наблюдением Н.П. Собко). СПб.: Синодальная типография, 1897. С. 27.

¹⁷ Там же. С. 40.

¹⁸ Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. Сост. В.В. Зверинский. СПб.: Типография В.Безобразова и комп., 1892. С. 388.

¹⁹ Монастыри, закрытые до царствования Екатерины II. С. 27.

²⁰ Павленко Н.И. Екатерина Вторая. М., 2003. С. 66–71.

²¹ Андреев А., свящ. Указ. соч. С. 27.

²² ПСЗ-1. Т. 16. № 11582.

²³ Иванов Иван, диак. Взаимоотношения Церкви и государства во второй половине XVIII века (деятельность обер-прокуроров Святейшего Синода 1763–1796 гг.): сборник документов. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010, С. 5.

²⁴ ПСЗ-1. Т. 16. № 11643.

²⁵ Там же. № 12271.

²⁶ Там же. № 11814.

²⁷ Иванов Иван, диак. Указ. соч. С. 6.

²⁸ ПСЗ-1. Т. 17. № 12060.

²⁹ Иванов Иван, диак. Указ. соч. С. 6-7.

³⁰ Преобразования старых и учреждение новых монастырей с 1764–1795 по 1 июля 1890 года. Сост. В.В. Зверинский. СПб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1892. С. 10.

³¹ Там же. С. 10-11.

³² Там же. С. 11.

³³ Там же. С. 110, 132.

³⁴ Там же. С. 87-88.

³⁵ Иванов Иван, диак. Указ. соч. С. 7.

³⁶ Там же. С. 7.

³⁷ Карташев А.В. Указ. соч. С. 680- 681.

³⁸ Андреев А., свящ. Указ. соч. С. 31.